ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.9
УДК 330.101, 378.1
JEL A22, B41, I23

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Экономическая теория: новые пути развития экономического образования в эпоху цифровой экономики[1]

Ольга Н. БУЧИНСКАЯ ✉
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Бучинская, О. Н. (2025). Экономическая теория: новые пути развития экономического образования в эпоху цифровой экономики. *AlterEconomics, 22*(1), 121–140. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.9

Аннотация. Данное исследование направлено на изучение влияния цифровизации на экономическую теорию как науку и систему образования в целом. Предметом исследования является экономическая теория в двух своих ипостасях: как наука о взаимодействии экономических агентов и как дисциплина, преподаваемая в высших учебных заведениях. Целью исследования является выявление путей поднятия престижа экономической теории как в научных исследованиях, так и в сфере образования, а также поиск направлений улучшения качества высшего образования. Методология исследования включала анализ научной и учебной литературы по вопросам влияния положений цифровой экономики на основополагающие вопросы экономической теории, рабочих программ по экономической теории и цифровой экономике, а также исследований, посвященных изменениям в сфере образования, происходящим в процессе его цифровизации. Результатом исследования стало выявление качественных изменений в экономических отношениях. Тенденции монополизации, появление барьеров и ограничений в распространении информации и цифровых технологий, новые свойства цифровых товаров и услуг, нарушающие принятые в мейнстриме базовые понятия, требуют разработки новых подходов к анализу экономической реальности, однако в современной научной и учебной литературе данные положения раскрываются редко и фрагментарно. Соответственно, требуется модернизация российского экономического образования, где экономическая теория преподается в неизменном со времен неоклассического синтеза виде. Это снижает как эффективность получаемых студентами знаний, так и привлекательность экономической теории как науки. Выявлены практические проблемы образования, вызываемые процессами цифровизации, которые снижают качество обучения. Для преодоления выявленных проблем предлагается: актуализация экономической теории как науки и учебной дисциплины и решение ключевых проблем образования, связанных с политикой в отношении преподавательского состава, студенческого контингента и управление вузами. В основе новой системы образования должны лежать цифровые технологии, создаваемые совместно вузами, работодателями и отечественными цифровыми компаниями.

Ключевые слова: экономическая теория, методология экономического анализа, цифровизация, высшее образование

[1] © Бучинская О. Н. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Economic Theory: New Paths for the Development of Economic Education in the Digital Economy Era

Olga N. BUCHINSKAIA ✉
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Buchinskaia, O. N. (2025). Economic Theory: New Paths for the Development of Economic Education in the Digital Economy Era. *AlterEconomics, 22*(1), 121–140.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.9

Abstract. This study examines the impact of digitalization on economic theory and the education system, given the growing influence of digital processes on society. It focuses on economic theory in two contexts: as a science that analyzes the interaction of economic agents and as a discipline taught in higher education. The study aims to identify ways to enhance the prestige of economic theory both in research and education while improving the quality of higher education. The research method involved analyzing scientific and educational literature on the digital economy's effect on economic theory, course materials in economic theory and digital economics, and research on changes in education due to digitalization. The study identifies qualitative shifts in economic relations, such as monopolization, barriers in information and technology flows, and new characteristics of digital goods and services that challenge the mainstream economic concepts. These changes call for new approaches to analyzing economic reality. However, these issues are rarely addressed in current academic and educational literature. Consequently, there is a need to modernize Russian economic education, where economic theory has been taught in the same form since the neoclassical synthesis, reducing both the effectiveness of students' learning and the appeal of economic theory as a discipline. The study also highlights practical educational challenges posed by digitalization, which affect education quality. To address these, the author proposes revitalizing economic theory as both a science and an academic subject and tackling key educational issues related to faculty, students, and university management. The proposed education system should leverage digital technologies developed collaboratively by universities, employers, and Russian digital companies.

Keywords: economic theory, methodology of economic analysis, digitalisation, high education

1. Введение

Поступательное развитие научно-технического прогресса влияет не только на прикладные науки, но и на всё человеческое общество, воздействуя таким образом и на комплекс общественных наук. При этом меняются не только подходы к сбору и анализу информации, но также на основе использования новых технологий возрастает роль информации, меняются институциональные нормы взаимодействия между экономическими агентами, возникают новые формы доступа к информации и ее защиты. Возникновение Интернета в целом и Интернета вещей в частности способствует удаленным обмену информацией и управлению аппаратурой. Всё это влияет на экономику, внося новые факторы в спектр устоявшихся экономических отношений. П. Илиев (Iliev, 2022) относительно роли цифровизации в экономики выделяет три направления исследований:

1) экономика цифровизации — это научная область, которая использует инструментарий и методы экономической науки для изучения цифровой трансформации;

2) цифровая экономика (*digital economics*) — экономические отношения, в которых используется цифровая трансформация, цифровые модели и концепции для внедрения технологического элемента в анализ экономических систем или поведения;

3) цифровая экономика (*digital economy*), представляющая собой высокотехнологическую отрасль, основанную на цифровых технологиях.

Настоящее исследование имеет в фокусе первые два из перечисленных выше направлений. В первой части мы проанализируем, каким образом развитие цифровой экономики влияет на экономическую теорию как на науку, являющуюся базовой для развития более прикладных экономических дисциплин, и на набор инструментов экономического анализа. Во второй части рассмотрим влияние цифровой экономики на сферу образования с точки зрения того, какие проблемы необходимо решить для повышения качества российского высшего образования в целом и экономического образования в частности.

2. Литературный обзор

Как и любая другая наука, экономика подвержена эволюционному развитию. В большинстве работ по цифровизации отражается влияние цифровизации на деятельность предприятий (Прохоренков и др., 2021), экономику отдельных отраслей (Колбанев и др., 2020) и стран (Садыков, 2017). Среди наиболее актуальных трендов развития экономической теории О.В. Евграфова и соавторы выделяют бихевиористическое и цифровое направления как наиболее актуальные в современной научной реальности (Evgrafova et al., 2023). При этом оба этих направления могут сочетаться, как это показывает А. Малковска, иллюстрируя процесс ценообразования на рынке гиг-экономики (Małkowska, 2022). С другой стороны, З. Лью связывает развитие новых направлений экономического развития, включая цифровизацию, с развитием теорий нелинейного развития, в т. ч. теорию хаоса И. Пригожина, синергетику Г. Хакена и теорию гиперциклов М. Эйгена, показывая развитие междисциплинарного синтеза в современной экономической теории и использования аналитического инструментария из естественных наук (Liu, 2022a; 2022b).

Меняется и то, что до сих пор считалось положениями мейнстрима экономической теории: Х. Оверби и Дж. Одестад показывают следующие отличия цифровых отношений от традиционной микроэкономики:

1) отсутствие достижения нулевой экономической прибыли в условиях совершенной конкуренции. Вместо того, чтобы снижать цену, как это должно происходить в рамках конкурентной борьбы, компании идут путем индивидуализации предлагаемых товаров и услуг и монополизации определенных ниш на рынке. Таким образом, совершенная конкуренция фактически прекращает свое существование;

2) вместо позитивной и негативной обратной связи, которые влияют на устойчивость системы в условиях мейнстрима, формируется сетевой эффект, связанный с количеством задействованных пользователей, нежели с качеством поставляемой информации. При этом негативная обратная связь фактически обрубается самими сетевыми компаниями, что говорит о незаинтересованности бизнеса в мониторинге отрицательной связи, главным становится вовлечение все большего количества участников;

3) отвергается концепция статичного равновесия. Новая концепция равновесия воспринимается как динамика равновесных состояний, определяемая зависимостью от предшествующего развития (Overby & Audestad, 2018). При этом существует многообразие траекторий развития экономики с выбором направлений развития в точках бифуркации, как это показано в теории хаоса;

4) основными типами фирм на цифровом рынке становятся монополии и олигополии (Overby & Audestad, 2021).

Таким образом, значительно меняются условия взаимодействия экономических агентов и их мотивация. Однако эти изменения являются только частью трансформации экономических отношений, которые затрагивают более глубокие уровни экономического мировоззрения.

С точки зрения Ч. Эки и М. Оси, в цифровой экономике меняется сама концепция времени — если в «традиционной» экономике время линейно, то в цифровой реальности можно ожидать экспоненциального ускорения производственных процессов, поддерживаемых Интернетом (Eke & Osi, 2023).

Во многом специфика цифровой экономики основана на исследовании вопроса издержек. С точки зрения А. Голдфарба и К. Такер, отличие цифровой экономики от традиционных положений экономической теории заключается в том, что «цифровая экономика исследует, как меняются стандартные экономические модели, когда определенные издержки существенно снижаются и, возможно, приближаются к нулю» (Goldfarb & Tucker, 2019). И. Гуерон рассматривает особое свойство цифровых товаров не уменьшаться в количестве или качестве в процессе потребления и анализирует двойственный характер защиты интеллектуальных прав относительно данных товаров, с одной стороны, стимулирующих инновации и дающих собственникам прав монопольные преимущества; с другой стороны, сдерживающих технический прогресс и блокирующих новые исследования, построенные на запатентованных результатах (что, правда, не касается свободных лицензий) (Guéron, 2020). П. Илиев показывает тенденцию сервитизации товаров, т. е. приобретение последними свойств услуг, и по завершении этого процесса считает вероятным полное исчезновение частной собственности потребителей на продукты (Iliev, 2022). Эти положения показывают, что цифровая экономика приобретает новые свойства, противоречащие концепции экономического мейнстрима, основанной на незыблемости частной собственности, свободы потоков ресурсов и маржинальном анализе. Соответственно, изменения в экономических отношениях затрагивают не только периферию, но и ядро экономической теории.

Дж. Дотш поднимает комплекс проблем цифровых данных как особого товара в цифровой экономике: с одной стороны, всё еще не определены вопросы собственности на персональные данные, проблематика их отчуждения и издержки защиты. С другой стороны, автор привлекает внимание к растущей асимметрии информации относительно данных и возникающим в связи с этим провалам рынка (Dötsch, 2024). Вопросы формы собственности в цифровой экономике и возможность исключения государства из субъектов регулирования правовых отношений рассматривают С. Бортников и Г. Пракко (Bortnikov & Pracko, 2021).

Меняется и восприятие экономистами человека: Дж. Торрент-Селлерс рассматривает переход от Человека Разумного к Человеку Цифровому (*Homo Digitalis*), который включает в свои интересы такие цели, как социальное обеспечение и экологическая устойчивость, и существует во множественном мире, состоящем из биологических, социальных и виртуальных идентичностей (Torrent-Sellens, 2024). Несмотря на то, что термин «Человек Цифровой» появился еще в конце 1990-х гг. (Terceiro Lomba, 1996; Yepes, 1998), интерес к данному термину возрос у экономистов сравнительно недавно благодаря ускоряющемуся развитию цифровой технологий и неизбежно меняющемуся образу жизни. Д. Дас рассматривает основные

приоритеты Человека Цифрового как нацеленные на образование, здравоохранение и развлечение, предрекая развитие нового этапа капитализма, основанного на доминировании платформенных приложений (*appitalism*). При этом развитие дистанционного и платформенного образования, получившего серьезный толчок к этому в период пандемии COVID-19, рассматривается автором как угроза, поскольку открывает путь к частному рынку образования с неконтролируемым ценообразованием, приводит к сокращению количества учителей и образовательной инфраструктуры, что может снизить качество образования и больше расслоить уровни развития человеческого капитала (Das, 2023).

3. Экономическая теория и экономика цифровизации: необходимость модернизации подхода

Исходя из литературного обзора, можно констатировать, что в процессе цифровой трансформации экономические отношения приобретают новые черты, которые уже недостаточно укладываются в концепцию экономического мейнстрима. Меняется природа товара, отношения собственности, трудовые отношения и даже концепция человека. В результате, развитие Индустрии 5.0 создает комплекс вызовов, которые необходимо рассмотреть с позиции не только производственной практики, но и экономической теории (Buchinskaia, 2024).

Это все подразумевает необходимость модернизации экономической теории и прежде всего методологии экономического анализа, однако методология экономики цифровизации на данный момент не получает должного развития. Из работ, где рассматривается изменение методологии экономического анализа, можно выделить монографию З. Лью, который подходит к анализу методологии цифровой экономики с позиций австрийской школы и рассматривает особенности цифровой экономики как новый способ достижения консенсуса и эволюцию институциональных правил, анализирует важность экосистемы, создаваемой вокруг предприятия, приводит новую концепцию создания стоимости, отмечая, что ее источником в цифровой экономике являются не труд или капитал, а капитал и взаимная выгода (Liu, 2022b, p. 60). Однако необходимо отметить, что автор очень многие свои выводы делает на абсолютизации принципов блокчейна и доверия, основанного на консенсусе. Однако современный мир крайне далек от консенсуса, особенно в вопросах распределения ресурсов, что говорит о том, что влияние принципов блокчейна на экономические законы пока еще имеет достаточно отдаленные перспективы.

В более ранней работе, представляющей собой учебные материалы по цифровой экономике, Х. Оверби и Дж. Одестад разъясняют понятие цифрового товара и услуги, подчеркивая их специфику нулевых предельных издержек и высоких фиксированных издержек, показывают возможности продажи нишевых товаров с «длинным хвостом» в цифровой экономике, раскрывают категорию среднего дохода на пользователя, описывают специфику производства цифровых товаров и возможности долевого финансирования с использованием цифровых платформ. Кроме традиционной цепочки создания стоимости, они раскрывают такие варианты, как «магазин создания ценности» (*Value shop*), специфика которого заключается не в производстве, а в предоставлении консалтинговых и исследовательских услуг, и «сетевое создание ценности» (*Value network*), спецификой которой является то, что такая сеть сама по себе создает ценность для предприятий,

контролирующих или эксплуатирующих ее. Х. Оверби и Дж. Одестад приводят схему расчета издержек, специфических для сетевой деятельности, рассматривают влияние сетевых эффектов, показывают инструменты, применяемые фирмами, чтобы задержать клиентов от перехода к конкурентам (*lock-in*), и издержки «переманивания» клиентов от конкурентов (*switching costs*). В работе описывается формирование монополий в цифровой экономике. Подобные элементы, в принципе, возможно вписать в мейнстрим при некоторой его корректировке. Есть, однако, в данном пособии и достаточно спорные концепции, в частности «сетевая нейтральность», под которой подразумевается отсутствие дискриминации в отношении данных на основе отправляющих / получающих пользователей, контента или приложений (Overby & Audestad, 2018b, p.114). Это положение отражает дух современного экономического мейнстрима с его опорой на свободное перетекание ресурсов на основе совершенной конкуренции. Однако современные реалии ограничения доступа к информации, связанные с финансовыми, экономическими или геополитическими причинами, включая цифровую колонизацию, непосредственно связанную с неравным положением стран в плане технологического и информационного пространства (Бучинская, 2024, с. 86–87), показывают, что, как и совершенная конкуренция, сетевая нейтральность остается понятием идеальным, не имеющим воплощения на реальном рынке цифровых товаров и услуг. Ограничение доступа к технологиям и отсутствие доверия подрывают ключевые принципы цифровой экономики, описываемые М. Дудиным (2019). Соответственно, требуется разработка нового подхода к цифровой экономике, основанного на современных экономических и геополитических реалиях.

В России учебная литература по цифровой экономике пока достаточно ограничена. В частности, часто рекомендуется учебник Л.И. Сергеева и соавторов[1], однако теоретическая составляющая в данном труде ограничивается первыми двумя главами, в которых рассматривается в основном специфика платформенного бизнеса, являющаяся лишь частью цифровой экономики; в пособии также приводится сравнение аналоговой и цифровой экономик. В работе затрагивается, хотя и не раскрывается, дискуссионный вопрос по информационной теории стоимости, которая развивается с середины XX в. (Howard, 1966), однако фактически имеет под собой комплекс различных воплощений: с одной стороны, это развитие трудовой теории стоимости, представленное работами Е.В. Луценко и Н.С. Головнина (2024), на которые ссылается автор учебника. В другой интерпретации информационная теория стоимости понимается как источник внутренней полезности, воплощенной в товарах, обеспечивающих антиэнтропийный эффект для потребителей (Rodríguez & Cáceres-Hernández, 2018). Третье направление подразумевает теорию информационной ценности как попытку количественной оценки информации, являющуюся частью теории принятия решений, основанной на Байесовских методах оценки (Thöns et al., 2025). Основная же часть учебника посвящена практикоориентированным вопросам цифровой экономки.

Аналогичная ситуация наблюдается и с учебником «Основы цифровой экономики» под редакцией М.Н. Конягиной[2], где вопросам экономической теории по-

[1] Сергеев, Л. И., Сергеев, Д. Л., Юданова, А. Л. (2024). *Цифровая экономика*: учебник для вузов. Москва: Юрайт. 437.

[2] Конягина, М. Н., Багоян, Е. Г., Демьянец, М. В., Десятиченко, Д. Ю., Десятиченко, О. Ю., Казанская, Н. Н., Кириллова, А. В., Конникова, О. А., Конников, Е. А., Костромин, К. А., Усачева, Е. А. (2024). *Основы цифровой экономики*: учебник и практикум для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 235.

священа вторая глава издания. В данной главе рассматривается роль государства и фирмы в цифровой трансформации, перечисляются риски цифровизации. Рассматривая микроэкономическую теорию в условиях цифровой экономики, авторы рассказывают о использовании фирмами цифровых двойников, необходимости использования фирмами новых бизнес-моделей, включая применение искусственного интеллекта, цифровизации каналов и механизмов взаимодействия экономических агентов. К сожалению, данная тематика является более практикоориентированной. С теоретической стороны авторы достаточно хорошо раскрывают смещение отдельных элементов пучка прав собственности в сторону использования благ и выбора потребителя в пользу пользования объектами чужой собственности вместо приобретения собственных благ. В параграфе, посвященном изменениям в макроэкономической составляющей экономической теории, говорится о возможности роста структурной безработицы из-за процессов автоматизации, повышении роли государства в управлении цифровой экономикой, в т. ч. для обеспечения приемлемого уровня асимметрии информации, которой пытаются воспользоваться в своих интересах крупные компании. Авторы учебника говорят о расширении возможностей проведения ценовой дискриминации, упоминается возможность получения рентного дохода фирмами и государствами – цифровыми лидерами. Однако при этом допускается предположение, что «макроэкономическое регулирование масштабов и пропорций внедрения IT будет основываться на принципах микроэкономического анализа, в частности на «золотом правиле равенства предельного дохода предельным издержкам»[1]. Это равенство, справедливое для аналоговых благ, может не соблюдаться в цифровой экономике, в которой предельные издержки на производство цифровых товаров и услуг стремятся к нулю, а предельный доход от присоединения нового пользователя не уменьшается.

Соответственно, без развитой методологии исследования и при дефиците учебной литературы формируются и преподаваемые курсы. В частности, можно отметить курс «Принципы цифровой экономики» НИУ ВШЭ[2], в качестве основной литературы к которому предусмотрены сборники кейсов (Knapp et al., 2016; Urbach & Röglinger, 2019), что может быть полезно при решении прикладных задач, но не позволяет оценить принципы цифровой экономики и новые экономические закономерности, формируемые в межагентских отношениях цифровизацией. Похожая ситуация с прикладной направленностью дисциплины наблюдается и в других рабочих программах, в частности Казанского Федерального университета[3].

Таким образом, в современном научно-образовательном пространстве обнаруживается крайне малое количество литературы, посвященной методологии изучения новых экономических реалий, направленных на модернизацию экономической теории. В то же время те материалы, которые нашли свое отражение в научной и учебной литературе, охватывают малое количество тех изменений, которые

[1] Конягина, М. Н., Багоян, Е. Г., Демьянец, М. В., Десятиченко, Д. Ю., Десятиченко, О. Ю., Казанская, Н. Н., Кириллова, А. В., Конникова, О. А., Конников, Е. А., Костромин, К. А., Усачева, Е. А. (2024). *Основы цифровой экономики*: учебник и практикум для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 235.

[2] Principles of Digital Economics Elective course. https://www.hse.ru/en/edu/courses/646530715#library (дата обращения: 15.12.2024).

[3] Программа дисциплины «Основы цифровой экономики». https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/281480.pdf (дата обращения: 15.12.2024); Программа дисциплины «Введение в цифровую экономику». https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/266910.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

произошли в теоретической экономике под воздействием цифровой трансформации общества, или дают достаточно расплывчатое представление о происходящих процессах. Но должны ли знания о базовых теоретических положениях в экономике даваться на курсах, ориентированных на достижение прикладных компетенций? Или эта задача базового курса, который дает представление об основах функционирования экономических систем?

Поскольку фактором успешного распространения экономических концепций является их релевантность институционально-групповому дискурсу (Кирдина-Чендлер, 2022), а экономическая теория в ее текущем состоянии очевидно перестает ему соответствовать, данное научное направление находится в очевидном кризисе. Это иллюстрируется и снижением количества научных статей, посвященных именно теоретическим проблемам в экономике (рис. 1) и уходом экономической теории из учебных планов неэкономических направлений обучения. На экономических направлениях ситуация несколько лучше за счет расширенных курсов микро-и макроэкономики, однако основу рабочих программ все также составляют принципы неоклассического синтеза, и развитие курсов идет не за счет учета изменений в экономических процессах, а через усложнение теоретических моделей, рассматриваемых на курсах, оставляя принципы мейнстрима неизменными.

Исходя из этого, очевидна необходимость пересмотра курсов экономической теории с учетом тех изменений, которые привносят с собой цифровая экономика и экономические реалии современного мира. К ключевым темам, которые требуют своего пересмотра, следует отнести:

— понятие товаров, услуг и их свойств: необходимо определить различие между «традиционными» товарами и услугами и их цифровыми аналогами, учитывая особенности их производства, распределения и потребления;

— понятие собственности с учетом анализа особенностей расщепления пучка прав собственности в цифровую эпоху;

— понятие издержек, которое должно включать новые типы издержек, формирующиеся в условиях цифровой экономики. Это касается не только трансакционных издержек (Пигорев, 2018), которые, по сути, присутствуют и на нециф-

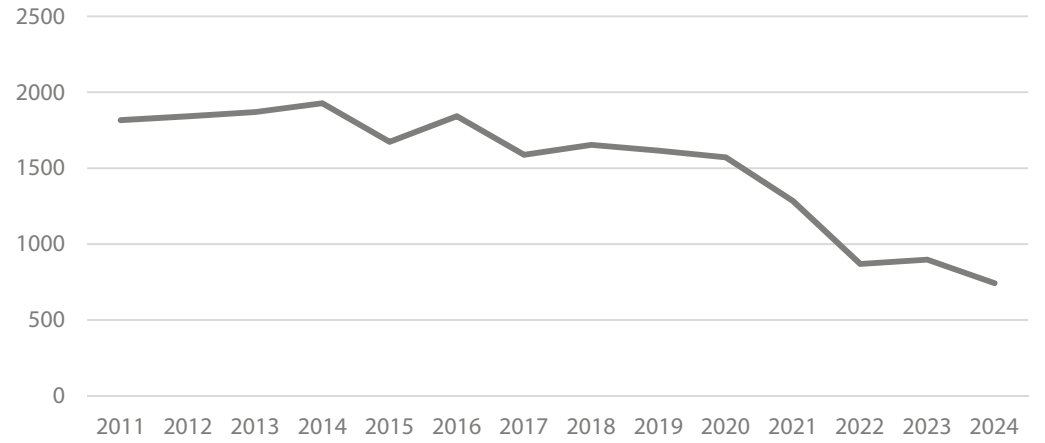

Рис. 1. *Статистика публикаций по запросу «Economic theory» в базе данных Semantic Scholar (источник: Semantic Scholar: сайт. https://www.semanticscholar.org/ (дата обращения: 15.12.2024))*
Fig. 1. *Publication Statistics for "Economic Theory" in the Semantic Scholar Database*

ровом рынке и, как правило, изучаются на курсе институциональной экономике, но также и новых типов издержек, упоминаемых у Х. Оверби и Дж. Одестад (Overby & Audestad, 2018b), включая невозвратные издержки, издержки, направленные на сохранение клиентуры и т. д., а также отражать специфику динамики издержек у цифровых благ, которые первоначально велики за счет необходимости построения специфической инфраструктуры, но по мере развития производства имеют тенденцию к снижению благодаря околонулевым предельным издержкам;

— необходим отказ от рассмотрения совершенной конкуренции и свободного передвижения ресурсов как краеугольного камня современной экономической теории, поскольку данная концепция отражает идеальную картину, фактически не встречающуюся в современных реалиях. Вместо этого в учебных курсах желательно сосредоточиться на анализе рынков несовершенной конкуренции, оставив понятие совершенной конкуренции как некого идеального, но малодостижимого результата действия рыночных сил.

Важным изменением в программах экономической теории должна стать и модификация тем касающихся рынков ресурсов: помимо модификации темы рынка труда, отражающего в т. ч. специфику занятости в области цифровой экономики, включая гиг-экономику, глоботику и их опасности для национального рынка труда; специфику цифрового рынка труда, включая платформы, аккумулирующие трудовые ресурсы в цифровой экономике и специфику платформенного ценообразования относительно рынка труда. Важным вопросом в условиях цифровой экономики остается и защита прав работников, поскольку информационные технологии не только облегчают труд, но могут и усиливать эксплуатацию работника (Lata et al., 2023; Лобачева и др., 2023; Арзамасова, 2024). Крайне желательно ввести в рассмотрение рынок информации как разновидность рынка ресурсов, поскольку информация является особого рода ресурсом, в котором спрос и предложение достаточно специфичны (Вартанова, 2007), а ограничения свободного перетока информации (и высокотехнологических продуктов) являются одной из причин углубляющегося социально-экономического разрыва между странами.

Подобная модернизация имеет под собой несколько целей:

1) придание нового импульса к развитию экономической теории как учебной дисциплины, сделав ее актуальной не только для экономистов, но и для неэкономических специальностей;

2) развитие у студентов экономического мышления, основанного на существующих экономических реалиях и понимании актуальных экономических процессов;

3) снижение влияния экономического мейнстрима, теряющего связь с экономическими реалиями;

4) повышение интереса к экономической теории как к науке и стимулирование исследований в этой области.

Таким образом, возможно добиться восстановления роли экономической теории как базовой дисциплины, изучение которой необходимо для формирования адекватного восприятия реальности и углубленного изучения экономических дисциплин, что повысит качество российского образования.

4. Цифровая экономика в образовании

Крайне неоднозначно цифровизация влияет на процессы образования, причем не только экономического, но и образования вообще. С одной стороны, кажется,

что распространение технологий, доступность информации, создание дистанционных курсов, сетевых курсов повышения квалификации, доступность учиться у лучших представителей профессии должно улучшить качество образования, однако фактически общество сталкивается с усилением поляризации высшего образования, нежели с тенденцией выравнивания качества обучения в сторону его повышения. Л. Робинсон и другие эксперты в области изучения цифрового неравенства отмечают, что учащиеся, не имеющие достаточного доступа к цифровым ресурсам, с меньшей вероятностью получат более высокие оценки. Кроме того, молодежь с низким доходом теоретически может повысить свое благосостояние, выбрав прибыльные профессии в области науки, технологии, инженерии и математики (STEM), однако на практике у них часто меньше шансов получить образование в этой области (Robinson et al., 2020). А. Михайлов и соавторы показывают, что пандемия COVID-19, придавшая существенный импульс цифровизации образовательных процессов, увеличила и цифровое неравенство в этой сфере, что, в итоге, приводит к снижению конкурентоспособности национальных экономик (Mikhailov et al., 2024).

Л. Черниевиц при анализе онлайн-курсов показывает три источника цифрового неравенства в сфере образования:

1) жизненное неравенство — доступность качественного высшего образования населению;

2) неравенство в ресурсах, учитывающее разную обеспеченность техническими средствами и софтом, необходимыми для обучения (что касается как студентов, так и вузов в целом), цифровыми навыками;

3) экзистенциальное неравенство, когда целью университета становится не качество образования, а выход на мировые рынки, и в результате порождается деление на «топовые» университеты и остальные, статус которых существенно занижается. На международном уровне это приводить к превалированию университетов и курсов «Глобального Севера» (Czerniewicz, 2018).

Рост значения экзистенциального неравенства в сфере образования усиливается: все большее значение имеет пиар высших учебных заведений для попадания в различного рода рейтинги и создание себе имиджа «Университета мирового уровня», на что руководством образовательных заведений тратятся значительные суммы. Однако сами рейтинги достаточно непрозрачны, слабо сопоставимы и зачастую основываются на субъективной оценке различного рода экспертов. В результате, как отмечает Е.В. Балацкий: «Рейтинги университетов настроены не столько на реальные экономические и технологические успехи, сколько на информационные и теоретические проявления исследовательской деятельности» (Balatsky & Ekimova, 2022, p. 56).

Более связанной с реальностью предполагается предлагаемая авторами модель «Университета высшего класса», подразумевающего тесную связь образовательного процесса с высокотехнологичными секторами национальной экономики посредством участия в НИОКР передовых национальных компаний (Балацкий, Екимова, 2022, с. 9), однако для становления университетов подобного типа необходимы серьезные реформы сферы образования, чтобы в обеспечивать реальное, а не только декларируемое взаимодействие производства и образования. Кроме того, возникает вопрос о повышении качества образовательного процесса в тех направлениях обучения, в которых достаточно сложно установить связь производ-

ственного процесса с высокотехнологичными производствами: прежде всего это касается гуманитарных и социальных направлений, включая экономические.

К подобным шагам, направленным на повышение качества образования, следует отнести политику в отношении профессионально-педагогического состава (ППС), политику в отношении студенческого состава и политику в отношении управления вузом, как это представлено на рисунке 2. В отношении ППС необходимо пересмотреть критерии оценки, используемые для продления контрактов. На текущий момент это критерии количественные, что принуждает преподавателей отвлекаться от преподавательской деятельности ради написания большого количества научных работ без углубления в тематику исследований и создания массы электронных курсов для продления контракта. Вместо этого рекомендуется оценивать качественные показатели по выпускаемым курсам и пособиям. Нежелательным также является увлечение внешними показателями, такими как публикация в зарубежных журналах, поскольку данная мера стимулирует преподавателей к публикации в сомнительных платных изданиях и утечке научных достижений, которые могут быть оперативно освоены за рубежом до того, как найдут свое применение в отечественной практике, что может существенно снизить конкурентные преимущества страны. Для того чтобы обеспечить реальную продуктивную научную и методологическую деятельность преподавателей, необходимо снижение учебной нагрузки, что противоречит существующим трендам на ее увеличение. В текущих условиях преподаватель должен проверять и пе-

Рис. 2. *Пути повышения эффективности высшего образования (источник: сост. автором)*
Fig. 2. *Strategies for Improving Higher Education Efficiency*

репроверять всё большее количество домашних заданий, курсовых и т. д., которые студентами фактически не выполняются и получаются путем генерирования в больших языковых моделях или продажи на сетевых площадках, в т. ч. и за авторством других преподавателей (Чепуренко, Чернышева, 2024). Подобная бесполезная, по сути, работа отнимает время, которое продуктивно могло бы быть использовано для совершенствования учебных курсов или проведения научных исследований. Соответственно, актуальным должно стать создание новых видов проверки получаемых студентами компетенций, в частности через различного рода симуляторы. Третьей составляющей должна быть система повышения квалификации преподавателей для освоения ими новых навыков и тенденций в преподаваемых ими дисциплинах. И вот тут очень полезными будут сетевые курсы ведущих мировых и российских вузов, опыт которых будет эффективно распространяться на региональные учебные заведения.

Политика относительно студенческого состава должна обязательно включать прекращение практики контингентосбережения, когда студентов фактически «дотягивают» до диплома, закрывая глаза на большое количество академических задолженностей. Для достижения «мирового» уровня вуз должен жестко карать студентов за выявленный плагиат, вплоть до отчисления. Несмотря на то, что данные меры противодействия плагиату часто прописаны в кодексах этики как российских, так и зарубежных вузов, на практике ввиду тенденции к сохранению контингента они не выполняются (Ефимова, 2013). Кроме того, в настоящее время студентам предоставлена возможность участия в различных видах внеучебной активности в стенах вуза, которая фактически заменяет собой учебу, что отрицательно влияет на мотивацию студента к образованию. Необходимо вместо этого вовлекать студентов в научно-исследовательскую деятельность, прививая им опыт реальной работы и участия в исследованиях и одновременно компенсируя цифровыми навыками студентов менее развитые цифровые навыки ППС старшего возраста. К сожалению, на данный момент эта практика получает мало развития.

Относительно политики управления вузом также необходимо менять KPI. На данный момент широкую практику получают такие показатели, как процент иностранных студентов и преподавателей, однако это выливается в прием и сохранение в вузах низкокачественного контингента иностранных обучающихся, что оказывает демотивирующее влияние как на преподавателей, которые фактически вытесняются иностранными специалистами, так и на студентов, которые видят, что значительная часть иностранных обучающихся имеет достаточно низкую мотивацию и успехи в учебной деятельности, но при этом их стараются сохранить. Недопустимо злоупотреблять и развитием электронных курсов — это было необходимо в период пандемии, однако в настоящий момент применение электронных курсов зачастую снижает контакт между преподавателем и студентом. Еще больший ущерб сфере образования приносит практика закупки региональными вузами электронных курсов ведущих вузов — это сокращает контингент и качество региональных преподавателей, которых становится легко заменить именитыми профессорами, читающими курсы фактически без контакта с аудиторией, а обратная связь обеспечивается менее квалифицированными преподавателями семинарских занятий. Применение вузовских электронных курсов целесообразно ограничить применением для закрытия академической разницы или повторным прослушиванием отстающими студентами, а также сбором курсовых и практи-

ческих работ (при разработке эффективной системы противодействия плагиату и «покупным» работам).

Необходимо отказаться от практики получения вузами различных рейтингов как самоцели и направлять освободившиеся ресурсы на обеспечение технической оснащенности учебного процесса, использование интернет-тренажеров и симуляторов, облегчающих наглядность обучения. К созданию подобных симуляторов, по сути, являющихся цифровыми двойниками изучаемых процессов, необходимо, кроме преподавателей вузов, привлекать высокотехнологичные отечественные фирмы, специализирующиеся на производстве программного обеспечения, и предприятия-партнеры, которые заинтересованы в выпускниках данных учебных заведений.

Последний фактор, на который необходимо обратить внимание в политике управления вузом, — это соответствие и актуальность рабочих программ современным тенденциям в производственной практике и науке. В этом случае важным является сотрудничество между вузами, предприятиями-работодателями и научно-исследовательскими институтами, на основе которого должны подготавливаться и проходить экспертизу рабочие программы дисциплин.

Кроме вышеперечисленных аспектов, востребованных в большинстве направлений высшего образования, необходимо затронуть и ту специфику, с которой сталкивается экономическое образование в период цифровизации. В первую очередь это превалирование прикладных дисциплин над теоретическими, усиление роли эконометрики и математико-экономического анализа. Это естественно в цифровую эпоху, однако зачастую при проведении корректного математического анализа у студентов и выпускников отсутствуют навыки правильной интерпретации полученных данных, что получается, когда имеется недостаток теоретической подготовки специалистов. Из-за этого эффективность получаемых студентами практических навыков существенно снижается.

Второй проблемой современного экономического образования является его оторванность от объективной реальности и явлений цифровой экономики, определяющих текущие взаимоотношения между экономическими агентами, что уже рассматривалось нами в первой части данного исследования. Для решения необходима переработка образовательных программ с целью приведения их в соответствие с современными реалиями.

Третья проблема экономического образования истекает из последствий принятия Россией болонской системы: последствием разделения на бакалавриат и магистратуру стало не только сокращение часов на отдельные дисциплины (и прежде всего на экономическую теорию), но и непонятный статус экономической магистратуры: поскольку поступление в магистратуру по экономике выпускников бакалавриата неэкономических специальностей разрешалось и даже приветствовалось, первый курс магистратуры фактически был «выравнивающим», когда выпускники неэкономических направлений подготовки получали базовые знания по экономике, соответственно, для выпускников экономических направлений в это время нового материала фактически не было. Таким образом, первые из описанной группы студентов получали скорее диплом, нежели знания и навыки, поскольку за 2 года маловероятно «дотянуть» студента без начальной подготовки даже до уровня бакалавра, а вторая группа получала минимальный прирост знаний и навыков. Выход России из болонской системы дарит надежду на прекращение

подобных практик и возврат к единому непрерывному циклу подготовки специалистов в области экономики или хотя бы ограничение на поступление в магистратуру по экономике выпускников неэкономических направлений бакалавриата.

5. Заключение

В настоящее время экономическая теория как область познания столкнулась с серьезным кризисом. Он связан не только со снижением интереса к данной области знаний среди исследователей, но и с уменьшением часов, выделяемых на изучение данного предмета в высших учебных заведениях, а также замещением теоретического поиска инструментальными методами исследования. Это все влияет и на состояние качества экономического образования, и на снижение роли экономической теории как науки. Оторванность экономической теории от реального мира приводит к тому, что экономическое образование, даваемое университетами в духе мейнстрима, начинает восприниматься как ложное (Weeks, 2014; Кирдина-Чэндлер, 2017). Одна из причин такого падения интереса к данной области научного знания связана с тем, что сложившийся подход к содержанию экономической теории основан на положениях мейнстрима и фактически не отражает тех изменений в социально-экономических механизмах взаимодействия экономических агентов, которые сложились в настоящий момент под воздействием цифровизации.

Соответственно, требуется пересмотр действующих положений экономической теории и приведение их в соответствие с текущими экономическими реалиями взаимодействия традиционной и цифровой составляющих экономики, что должно стать первостепенной задачей ученых, специализирующихся в области теоретической экономики. По итогам данного научного дискуса необходимо сформировать те положения обновленной экономической теории, которые станут основой рабочих программ по экономической теории для высших учебных заведений. Это огромный объем исследовательской и методической работы, который должен возродить интерес к экономической теории со стороны научного сообщества.

Пересмотр положений экономической теории является не единственной проблемой российского образования, включая экономическое. Необходимо сменить понимание успешности вузов и отказаться от гонки за рейтингами. Вместо этого нужно сосредоточиться на повышении качества образования и устранении неравенства в сфере образования, которые порождаются тенденциями его цифровизации. Следует учитывать и то отрицательное влияние на качество обучения, которое оказывают цифровые сервисы, прямо или косвенно влияющие на сферу образования. Это требует новых подходов к организации учебного процесса. Для повышения эффективности российского образования следует решить ряд проблем, касающихся политики в отношении ППС, студенческого состава и управления вузами в целом. Использование цифровых технологий должно быть рациональным и полезным для сферы образования, в его основе должно лежать не умножение электронных курсов, а реализация образовательных проектов в сотрудничестве вузов, промышленных предприятий и отечественных производителей высокотехнологичных цифровых продуктов.

Список источников

Арзамасова, Е. Л. (2024). Влияние цифровизации и автоматизации на рынок труда и занятость в различных отраслях экономики. *Человек. Общество. Инклюзия, 15*(2), 37–45. https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-37-45

Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А. (2022). Концепция университетов мирового класса: время радикального пересмотра. *Социальное пространство, 8*(3). https://doi.org/10.15838/sa.2022.3.35.3

Бучинская, О. Н. (2024). Цифровая колонизация — новое явление мировой экономики. *Экономическая наука современной России,* (3), 78–92. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-78-92

Вартанова, Э. Р. (2007). Спрос и предложение на информационный продукт. *Terra Economicus, 5*(2–2), 43–49.

Дудин, М. Н. (2019). Политическая экономия в эпоху цифровой революции: устойчивость и гибкость объекта, предмета и метода К. Маркса. *Экономика и социум: современные модели развития, 9*(2), 205–218.

Ефимова, Г. З. (2013). Анализ основных стратегий борьбы с проявлениями недобросовестности в науке и образовании. *Russian Journal of Education and Psychology,* (2(22)). http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-2-15

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2017). Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований), 9*(4), 6–15. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.4.006-015

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2022). Экономическая теория, идеология и экономический интерес. *AlterEconomics, 19*(1), 71–92. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5

Колбанёв, М. О., Верзун, Н. А., Нестеренко, Е. С. (2020). Применение и влияние цифровых технологий в экономической деятельности. В *Информационные системы и технологии в экономической деятельности: Сборник статей* (с. 27–32). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Лобачева, Е. Н., Погребинская, Е. А. Рыбина, Г. А. (2023). Проблема субъектности человека в интеллектуальной экономике. В *Интеллектуальная инженерная экономика и индустрия 5.0 (ЭКОПРОМ): Сборник трудов Международной научно-практической конференции* (с. 487–490). Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС.

Луценко, Е. В., Головин, Н. С. (2024). *Системы*. Краснодар: КубГАУ, 518. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22863.09123

Пигорев, Д. П. (2018). Трансакционные издержки в цифровой экономике. Под ред. д-ра экон. наук И. Н. Щепиной, *Системное моделирование социально-экономических процессов: аннотации к докладам 41-ой Международной научной школы-семинара, г. Нижний Новгород, 30 сентября — 4 октября 2018 г.* (с. 129). Воронеж: Истоки.

Прохоренков, П. А., Комаров, П. И., Хроменкова, Г. А., Тищенкова, Г. З. (2021). Экспертная оценка влияния цифровизации компаний на экономические и финансовые показатели. *Фундаментальные исследования,* (8), 56–64. https://doi.org/10.17513/fr.43082

Садыков, Т. У. (2017). Методологические вопросы цифровой экономики. *Философия хозяйства. Специальный выпуск,* 121–128.

Чепуренко, А. Ю., Чернышева, М. В. (2024). Рынок академических текстов в России (по данным экспертного опроса). *Социологические исследования,* (3), 44–56. https://doi.org/10.31857/S0132162524030047

Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2022). World-class universities and technological development: Unanswered questions. *Journal of new economy, 23*(3), 43–61. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-3-3

Bortnikov, S. P., & Pracko, G. S. (2021). Law Of The Digital Economy: Law Corpus Vs Economics Animus. In S. I. Ashmarina, V. V. Mantulenko, M. I. Inozemtsev, & E. L. Sidorenko (Eds.), *Global Challenges and Prospects of The Modern Economic Development, 106. European Proceedings of*

Social and Behavioural Sciences (pp. 1686–1697). European Publisher. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.02.201

Buchinskaia, O. (2024). Industry 5.0: Quo Vadis? Challenges and Concerns for Future Development. *Lecture Notes in Information Systems and Organisation, 70,* 39–53. https://doi.org/10.1007/978-3-031-66801-2_4

Czerniewicz, L. (2018). Inequality as higher education goes online. In N. Bonderup Dohn, S. Cranmer, JA. Sime, M. de Laat, T. Ryberg (Eds.), *Networked learning: Reflections and challenges* (pp. 95–106). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-74857-3_6

Das, D. (2023). Homo Sapiens to Homo Digitalis. Understanding the Economy of NEP 2020. *Economic & Political Weekly, 58* (24), 13.

Dötsch, J. J. (2024). *Economic Policy in the Digital Age. Contributions to Economics.* Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-53047-0

Eke, C. I., & Osi, M. U. (2023). The Gathering Clouds: The Case of Time and Digital Economics. *East African Journal of Business and Economics, 6* (1), 226–232. https://doi.org/10.37284/eajbe.6.1.1310

Evgrafova, O. V., Bondarenko, A. V., Vasilyuk, T. N., & Kozlovskaya, E. A. (2023). Human Capital in the "Behavioral-Digital" Economics. In E. I. Lazareva, A. D. Murzin, B. A. Rivza, V. N. Ostrovskaya (Eds.), *Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance* (pp. 241–248). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_27

Goldfarb, A., & Tucker, C. (2019). Digital Economics. *Journal of Economic Literature, 57* (1), 3–43. https://doi.org/10.1257/jel.20171452

Guéron, Y. (2020). Digital Economics. 경제논집, *59* (1), 3–52. https://hdl.handle.net/10371/168577 (дата обращения: 11.12.2024).

Howard, R. A. (1966). Information value theory. *IEEE Transactions on systems science and cybernetics, 2* (1), 22–26. https://doi.org/10.1109/TSSC.1966.300074

Iliev, P. (2022). The digital economy, as part of the general economic theory (economics of digitization/digitization). *Scientific Conference of the Department of General Economic Theory* (pp. 267–272). University of Economics-Varna.

Knapp, J., Zeratsky, J., & Kowitz, B. (2016). *Sprint: How to solve big problems and test new ideas in just five days.* Simon and Schuster.

Lata, L. N., Burdon, J., & Reddel, T. (2023). New tech, old exploitation: Gig economy, algorithmic control and migrant labour. *Sociology Compass, 17* (1), e13028. https://doi.org/10.1111/soc4.13028

Liu, Z. (2022a). Ecological Vision of Digital Economy Evolution. *The Power of Ideas: A History of Technological Thoughts on Digital Economics* (pp. 19–36). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4574-8_2

Liu, Z. (2022b). *Principles of Digital Economics. Innovation Theory in the Age of Intelligence.* Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9020-4

Małkowska, A. (2022). Behavioural economics and the digital economy. In *The Digital Economy and the European Labour Market* (pp. 89–104). Routledge.

Mikhailov, A., Tikhonov, A., & Fedulov, V. (2024). Digital inequality in education: Features of manifestation and types of discrimination during COVID-19 pandemic. *Education and Information Technologies, 29,* 20493–20504. https://doi.org/10.1007/s10639-024-12640-z

Overby, H., & Audestad, J. A. (2018a). *Digital Economics.* Norway: Norwegian University of Science and Technology.

Overby, H., & Audestad, J. A. (2018b). *Digital economics: How information and communication technology is shaping markets, businesses, and innovation.* CreateSpace Independent Publishing Platform.

Overby, H., & Audestad, J. A. (2021). Digital Monopolies and Oligopolies. In *Introduction to Digital Economics: Foundations, Business Models and Case Studies* (pp. 193–206). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78237-5_13

Robinson L., Schulz, J., Blank, G., Ragnedda, M., Ono, H., Hogan B., Mesch, G. S., Cotton, S. R., Kretchmer, S. B., Hale, T. M., Drabowicz, T., Yan, P., Wellman, B., Harper, M.-G., Quan-Haase, A., Dunn, H. S., Casilli, A. A., Tubaro, P. Carveth, R., Chen, W., Wiest, J. B., Dodel, M., Stern, M. J., Ball, C., Huang, K.-T., & Khilnani, A. (2020). Digital inequalities 2.0: Legacy inequalities in the information age. *First Monday, 25* (7). http://dx.doi.org/10.5210/fm.v25i7.10842

Rodríguez, R. A., & Cáceres-Hernández, J. J. (2018). Information, entropy, value, and price formation: An econophysical perspective. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications, 512,* 74–85. https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.08.005

Terceiro Lomba, J. B. (1996). *Sociedad digital: Del homo sapiens al homo digitalis.* Alianza Editorial.

Thöns, S., Caprani, C., Havbro Faber, M., Frangopol, D. M., Gardoni, P., Giordano, P. F., Honfi, D., Iannacone, L., Shihabuddin Khan, M., Köhler, J., Kim, S., de Koker, N., Limongelli, M. P., Miraglia, S., Nielsen, J. S., Pandey, M., & Viljoen, C. (2025). On information value and decision analyses. *Structural Safety, 113,* 102481. https://doi.org/10.1016/j.strusafe.2024.102481

Torrent-Sellens, J. (2024). Homo digitalis: narrative for a new political economy of digital transformation and transition. *New Political Economy, 29* (1), 125–143. https://doi.org/10.1080/13563467.2023.2227577

Urbach, N., & Röglinger, M. (2019). *Digitalization Cases: How Organizations Rethink Their Business for the Digital Age.* Springer.

Weeks, J. (2014). *Economics of the 1 %: How Mainstream Economics Serves the Reach, Obscures Reality and Distorts Policy.* Anthem Press.

Yepes, J. L. (1998). Hombre y documento: del homo sapiens al homo documentator. *Scire: Representación Y organización Del Conocimiento, 4* (2), 11–22. https://doi.org/10.54886/scire.v4i2.1094

References

Arzamasova, E. L. (2024). The impact of digitalization and automation on the labor market and employment in various sectors of the economy. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya [Human. Society. Inclusion], 15* (2), 37–45. https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-37-45 (In Russ.)

Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2022). World-class universities and technological development: Unanswered questions. *Journal of new economy, 23* (3), 43–61. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-3-3

Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2022). The Concept of World-Class Universities: Time for Radical Revision. *Sotsial'noe prostranstvo [Social area], 8* (3). https://doi.org/10.15838/sa.2022.3.35.3 (In Russ.)

Bortnikov, S. P., & Pracko, G. S. (2021). Law Of The Digital Economy: Law Corpus Vs Economics Animus. In S. I. Ashmarina, V. V. Mantulenko, M. I. Inozemtsev, & E. L. Sidorenko (Eds.), *Global Challenges and Prospects of The Modern Economic Development, 106. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 1686–1697). European Publisher. https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.02.201

Buchinskaia, O. (2024). Industry 5.0: Quo Vadis? Challenges and Concerns for Future Development. *Lecture Notes in Information Systems and Organisation, 70,* 39–53. https://doi.org/10.1007/978-3-031-66801-2_4

Buchinskaia, O. N. (2024). Digital Colonization — a New Phenomenon of the World Economy. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia],* ((3), 78–92. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-78-92 (In Russ.)

Chepurenko, A. Yu., & Chernysheva, M. V. (2024). The Market of Academic Texts in Russia (according to a qualitative survey). *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies],* (3), 44–56. https://doi.org/10.31857/S0132162524030047 (In Russ.)

Czerniewicz, L. (2018). Inequality as higher education goes online. In N. Bonderup Dohn, S. Cranmer, JA. Sime, M. de Laat, T. Ryberg (Eds.), *Networked learning: Reflections and challenges* (pp. 95–106). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-74857-3_6

Das, D. (2023). Homo Sapiens to Homo Digitalis. Understanding the Economy of NEP 2020. *Economic & Political Weekly, 58* (24), 13.

Dötsch, J. J. (2024). *Economic Policy in the Digital Age. Contributions to Economics*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-53047-0

Dudin, M. N. (2019). Political economy in the era of the digital revolution: the stability and flexibility of the object, object and method of K. Marx. *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya [Economics and Society: Contemporary Models of Development], 9*(2), 205–218. (In Russ.)

Efimova, G. Z. (2013). The analysis of crucial ways of struggle against the display of dishonesty in the field of science and education. *Russian Journal of Education and Psychology,* (2(22)). http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-2-15 (In Russ.)

Eke, C. I., & Osi, M. U. (2023). The Gathering Clouds: The Case of Time and Digital Economics. *East African Journal of Business and Economics, 6*(1), 226–232. https://doi.org/10.37284/eajbe.6.1.1310

Evgrafova, O. V., Bondarenko, A. V., Vasilyuk, T. N., & Kozlovskaya, E. A. (2023). Human Capital in the "Behavioral-Digital" Economics. In E. I. Lazareva, A. D. Murzin, B. A. Rivza, V. N. Ostrovskaya (Eds.), *Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance* (pp. 241–248). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_27

Goldfarb, A., & Tucker, C. (2019). Digital Economics. *Journal of Economic Literature, 57*(1), 3–43. https://doi.org/10.1257/jel.20171452

Guéron, Y. (2020). Digital Economics. 경제논집, *59*(1), 3–52. https://hdl.handle.net/10371/168577 (Date of access: 11.12.2024).

Howard, R. A. (1966). Information value theory. *IEEE Transactions on systems science and cybernetics, 2*(1), 22–26. https://doi.org/10.1109/TSSC.1966.300074

Iliev, P. (2022). The digital economy, as part of the general economic theory (economics of digitization/digitization). *Scientific Conference of the Department of General Economic Theory* (pp. 267–272). University of Economics-Varna.

Kirdina-Chandler, S. G. (2017). Radical Institutional Economics and Fakery for the 21st Century. *Journal of Institutional Studies, 9*(4), 6–15. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.4.006-015 (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2022). Economic theory, ideology, and economic interests. *AlterEconomics, 19*(1), 71–92. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5 (In Russ.)

Knapp, J., Zeratsky, J., & Kowitz, B. (2016). *Sprint: How to solve big problems and test new ideas in just five days*. Simon and Schuster.

Kolbanev, M. O., Verzun, N. A., & Nesterenko, E. S. (2020). The application and impact of digital technologies in economic activity. In *Informatsionnye sistemy i tekhnologii v ekonomicheskoy deyatel'nosti: Sbornik statey [Information systems and technologies in economic activity: Collected works]* (pp. 27–32). St. Petersburg: Saint Petersburg state University of Economics. (In Russ.)

Lata, L. N., Burdon, J., & Reddel, T. (2023). New tech, old exploitation: Gig economy, algorithmic control and migrant labour. *Sociology Compass, 17*(1), e13028. https://doi.org/10.1111/soc4.13028

Liu, Z. (2022a). Ecological Vision of Digital Economy Evolution. *The Power of Ideas: A History of Technological Thoughts on Digital Economics* (pp. 19–36). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4574-8_2

Liu, Z. (2022b). *Principles of Digital Economics. Innovation Theory in the Age of Intelligence*. Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9020-4

Lobacheva, E. N., Pogrebinskaya, E. A., & Rybina, G. A. (2023). The problem of human subjectivity in the knowledge economy. In *Intellektual'naya inzhenernaya ekonomika i industriya 5.0 (EKOPROM): Sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Intellectual Engineering Economics and Industry 5.0 (IEEI_5.0_ECOPROM): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]* (pp. 487–490). St Petersburg: Polytech Press Publ. (In Russ.)

Lutsenko, E. V., & Golovin, N. S. (2024). *Sistemy [Systems]*. Krasnodar: KubSAU. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22863.09123 (In Russ.)

Małkowska, A. (2022). Behavioural economics and the digital economy. In *The Digital Economy and the European Labour Market* (pp. 89–104). Routledge.

Mikhailov, A., Tikhonov, A., & Fedulov, V. (2024). Digital inequality in education: Features of manifestation and types of discrimination during COVID-19 pandemic. *Education and Information Technologies, 29,* 20493–20504. https://doi.org/10.1007/s10639-024-12640-z

Overby, H., & Audestad, J. A. (2018a). *Digital Economics*. Norway: Norwegian University of Science and Technology.

Overby, H., & Audestad, J. A. (2018b). *Digital economics: How information and communication technology is shaping markets, businesses, and innovation.* CreateSpace Independent Publishing Platform.

Overby, H., & Audestad, J. A. (2021). Digital Monopolies and Oligopolies. In *Introduction to Digital Economics: Foundations, Business Models and Case Studies* (pp. 193–206). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78237-5_13

Pigorev, D. P. (2018). Transaction costs in digital economy. In V. G. Grebennikov, I. N. Shchepina (Eds.), *Sistemnoe modelirovanie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov: annotatsii k dokladam 41-oy Mezhdunarodnoy nauchnoy shkoly-seminara, g. Nizhniy Novgorod, 30 sentyabrya — 4 oktyabrya 2018 g., pod red. d-ra ekon. nauk I. N. Shchepinoy [System modeling of social-economic processes: The Abstracts of 41-th International scientific school-seminar],* (p. 129). Voronezh: Istoki. (In Russ.)

Prokhorenkov, P. A., Komarov, P. I., Khromenkova, G. A., & Tischenkova, G. Z. (2021). Expert assessment of the influence of digitalization of companies on economic and financial performance. *Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental Research],* (8), 56–64. https://doi.org/10.17513/fr.43082 (In Russ.)

Robinson L., Schulz, J., Blank, G., Ragnedda, M., Ono, H., Hogan B., Mesch, G. S., Cotton, S. R., Kretchmer, S. B., Hale, T. M., Drabowicz, T., Yan, P., Wellman, B., Harper, M.-G., Quan-Haase, A., Dunn, H. S., Casilli, A. A., Tubaro, P. Carveth, R., Chen, W., Wiest, J. B., Dodel, M., Stern, M. J., Ball, C., Huang, K.-T., & Khilnani, A. (2020). Digital inequalities 2.0: Legacy inequalities in the information age. *First Monday, 25* (7). http://dx.doi.org/10.5210/fm.v25i7.10842

Rodríguez, R. A., & Cáceres-Hernández, J. J. (2018). Information, entropy, value, and price formation: An econophysical perspective. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications, 512,* 74–85. https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.08.005

Sadykov, T. U. (2017). Methodological questions of digital economy. *Filosofiya khozyaystva, Spetsial'nyy vypusk [Philosophy of Economy, Special Issue],* 121–128. (In Russ.)

Terceiro Lomba, J. B. (1996). *Sociedad digital: Del homo sapiens al homo digitalis*. Alianza Editorial.

Thöns, S., Caprani, C., Havbro Faber, M., Frangopol, D. M., Gardoni, P., Giordano, P. F., Honfi, D., Iannacone, L., Shihabuddin Khan, M., Köhler, J., Kim, S., de Koker, N., Limongelli, M. P., Miraglia, S., Nielsen, J. S., Pandey, M., & Viljoen, C. (2025). On information value and decision analyses. *Structural Safety, 113,* 102481. https://doi.org/10.1016/j.strusafe.2024.102481

Torrent-Sellens, J. (2024). Homo digitalis: narrative for a new political economy of digital transformation and transition. *New Political Economy, 29* (1), 125–143. https://doi.org/10.1080/13563467.2023.2227577

Urbach, N., & Röglinger, M. (2019). *Digitalization Cases: How Organizations Rethink Their Business for the Digital Age*. Springer.

Vartanova, E. R. (2007). Supply and demand for an information product. *Terra Economicus, 5* (2–2), 43–49. (In Russ.)

Weeks, J. (2014). *Economics of the 1 %: How Mainstream Economics Serves the Reach, Obscures Reality and Distorts Policy.* Anthem Press.

Yepes, J. L. (1998). Hombre y documento: del homo sapiens al homo documentator. *Scire: Representación Y organización Del Conocimiento, 4* (2), 11–22. https://doi.org/10.54886/scire.v4i2.1094

Информация об авторе

Бучинская Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр экономической теории, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-

5421-2522 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru).

About the author

Olga N. Buchinskaia — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-5421-2522 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: buchinskaia.on@uiec.ru).

Дата поступления рукописи: 04.12.2024.
Прошла рецензирование: 13.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 04 Dec 2024.
Reviewed: 13 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.